

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ЭО, 2011 г., № 5

От редакции

КАК ИССЛЕДОВАТЬ НАУКУ И СОВРЕМЕННУЮ МАТЕРИАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ?

Исследования науки и технологий (ИНТ), значительно более широко известные среди специалистов, их практикующих, под латинской аббревиатурой STS (Science and Technology Studies), – это междисциплинарная область, в которой этнография как метод и антропологи как профессиональное сообщество обосновались с момента ее институционализации в качестве отдельной дисциплины. Смежной и предметно пересекающейся с ИНТ дисциплиной оказались современные исследования материальной культуры. В отличие от хорошо знакомого российским ученым раздела этнографии, эта сравнительно новая область сделала своим предметом не традиционные культуру и поведение, а высокотехнологичную современную культуру и повседневное поведение по отношению к окружающей нас вещной среде. То обстоятельство, что в эти исследования оказались вовлеченными антропологи с их излюбленными методами полевого наблюдения и этнографического описания, никого не должно удивлять. Современные технологии, механизмы, устройства, предметы нашего повседневного быта встраиваются в жизнь современного человека вполне традиционным образом: практики обращения с ними рутинизируются, стереотипизируются, т.е. превращаются в обыденность, ритуализуются, а сами эти вещи и их действия персонифицируются, одушевляются и мифологизируются. Более того – сами они становятся источниками мифологических представлений, меняющих поведение людей и их устоявшиеся представления даже в сфере религиозных традиций (можно в этой связи обратить внимание на использование понятий “энергии” или “поля” в традиционных и новых культах).

Задолго до становления этой специфической области человеческого опыта в качестве самостоятельного объекта научных исследований со своими собственными методами и теориями мифологизация повседневности привлекла внимание фольклористов, а персонификация и одушевление в качестве самостоятельных фигур речи и стилистических тропов – лингвистов, главным образом специалистов по стилистике и риторике. Миф и ритуал, разумеется, издавна являются привилегированными объектами изучения у этнографов и религиоведов, чем в конечном счете и объясняется то обстоятельство, что, с одной стороны, этнографические знания и умения пригодились при изучении современных технологий в их материальном аспекте, а с другой – антропологи оказались вовлеченными в изучение нового для них среза человеческого опыта и системы отношений.

Российские антропологи в силу сложившегося в отечественной науке разделения труда и институциональной истории дисциплины (пока еще большинство работающих отечественных этнологов/антропологов являются выпускниками исторических кафедр и факультетов, но ситуация постоянно меняется, поскольку число кафедр социальной и культурной антропологии на факультетах социологии быстро растет) были больше ориентированы, если говорить об исследованиях материальной культуры, на культуру традиционную, которая сегодня все чаще изучается не в ее актуальном и непосредственном функционировании, а, так сказать, в модусе реконструкции: в энциклопе-

дических описаниях традиционной культуры того или иного народа вы обнаружите соху, мотыгу, серп, плуг и сани, но вот в сельской повседневности они встречаются все реже, поскольку вытесняются современными механизмами, транспортными средствами и методами ведения сельского хозяйства. Тот факт, что все инновации в сфере материальной культуры порой оказываются вполне непротиворечиво и гармонично встроенными в традиционные представления, отношения и практики обывателей и даже наделяются теми же характеристиками, эпитетами и свойствами, что и прежние, традиционные, пока еще не привлек достаточного внимания наших этнографов. Еще меньше это внимание уделяется (напомню, мы говорим только о российской антропологии) материальной культуре, если речь идет о высоких технологиях и наукоемких продуктах (например, телевизорах, компьютерах, телефонах).

Между тем миф и ритуал, не говоря уже о стереотипах поведения и привычках, давно проникли в эту область человеческого опыта и пронизывают буквально все аспекты отношений между человеком и вещью в сообществах компьютерщиков, летчиков-испытателей и космонавтов, энергетиков-атомщиков и физиков-ядерщиков. Лишь то, что наши этнографы больше привыкли исследовать исторические формы бытования вещей, притом и вещей уже ставших или становящихся историей, а также более традиционные с точки зрения дисциплинарной традиции коллективы, все еще не позволяет им включить в число законных объектов своего исследования такие вполне обычные с точки зрения дисциплины объекты, как мифологии, представления, ритуалы и практики, сложившиеся в отношениях между людьми и предметами современной материальной культуры. Между тем во многих других национальных традициях антропологи уже сделали этот шаг, и соответствующая область исследований бурно развивается, давая интересные и новые теоретические и практические результаты.

Российские социальные науки отстают и в отношении исследований науки и техники как актуальных систем представлений и практик. У нас есть много замечательных работ по истории и философии науки, но буквально единицы – по ее социологии и антропологии, а следовательно, и опыта такого рода исследований катастрофически не хватает. Последнее обстоятельство вполне объясняет тот интерес к соответствующим работам наших коллег за рубежом, который наблюдается сегодня у российских социологов, экономистов и антропологов, стремящихся обогатить методологический арсенал собственных исследований и применить новые методы на российском поле. Наши коллеги в Европе и Америке прошли весьма значительный путь от базовой антропологической метафоры, в которой любая субкультура рассматривается как своего рода “племя” с собственной “мифологией” и ритуалами. Физическая лаборатория – это не островное сообщество, а представления физиков об устройстве Вселенной – не рядовая космогоническая модель в мифологиях народов планеты; стало быть, чтобы понять особенности культуры такого рода “племен”, традиционные методы исследования антропологов должны развиваться и пересматриваться. Главным вызовом здесь становится новая эпистемологическая проблематика, поскольку в ней по существу впервые знание социальных наук сталкивается не с обычной системой верований, но с мировоззрением, в основу которого положены научные критерии истинности. Кроме того, осведомленность относительно эпистемологической проблематики и методологии у представителей изучаемых сообществ может существенно превосходить эпистемологический и теоретический аппарат как самих исследователей, так и систем знаний, на основе которых развиваются социальные науки и гуманитарные дисциплины. Бурно развивающаяся сегодня в рамках исследований науки и техники социальная эпистемология пытается предложить свои решения этой проблемы.

Конечно, для читательской аудитории журнала знакомство с этнографическими проблемами, возникающими при анализе научных дискуссий, будет непривычным, хотя бы в силу того обстоятельства, что дискуссии в естественных и точных науках никогда не оказывались у нас объектом этнографического изучения. Собственно го-

вора, таким объектом не становились даже споры и разногласия среди, если можно так выразиться, вполне обычных и привычных “объектов” (а точнее – субъектов), быт, манеры и мировоззрение которых наш этнограф привык изучать в поле. Эта непривычность имеет своим следствием и отсутствие необходимых для такого рода анализа системы понятий и словаря. Тем поучительнее может быть знакомство с уже наработанными методами анализа научных коллективов у наших коллег-этнографов, проводящих такие исследования несколько десятилетий.

Сходным образом исследования современной материальной культуры и технокультуры позволили этнографам не только поставить ряд новых для них проблем, но и предложить для их решения новые концептуальные средства и методы исследования. Археологам, привыкшим работать с артефактами, и этнографам, исследующим традиционную культуру, будет, наверное, интересно узнать, как применительно к их излюбленным объектам исследования заработают понятия феноменологии восприятия вещи, объективизации и контекстуализации, доместикации (взаимной адаптации вещей и людей), нарративного отражения жизни вещей, политические, экономические и гендерные аспекты отношений между людьми и вещами и прочие разработанные в исследованиях технокультуры новые методы и понятия, с моей точки зрения, вполне способные революционизировать традиционные исследования и этнографической триады “пища – жилище – одежда”, и исследований традиционной материальной культуры в целом.

Публикуемые ниже статьи знакомят читателей нашего журнала как с панорамой исследований науки, техники и современной материальной культуры в целом, так и с конкретными примерами реализованных антропологических исследований в этих областях.

С.В. Соколовский

ЭО, 2011 г., № 5

© С.А. Арутюнов

**ОТ СПОКОЙНОЙ К УСКОЛЬЗАЮЩЕЙ
МАТЕРИАЛЬНОСТИ:
О ПРОБЛЕМАХ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
(ИНТЕРВЬЮ Н.В. БОГАТЫРЬ)**

Ключевые слова: история науки, материальная культура, культура жизнеобеспечения этноса, исследовательские методы, полевые исследования

В интервью д. и. н., профессор, чл.-корр. РАН, один из авторов концепта “культура жизнеобеспечения этноса”, С.А. Арутюнов размышляет о причинах своеобразия исследований материальной культуры в отечественной этнографии, об их прошлом и будущем, о междисциплинарном опыте концептуализации материальной составляющей на примере сельской культуры Армении.

Наталья Богатырь (далее – Н.Б.): Сергей Александрович, спасибо, что Вы согласились поговорить и предложили название для подборки статей о подходах к исследованию материальной культуры. Я хотела с Вами поговорить как раз и о материальной

Сергей Александрович Арутюнов – д. и. н., проф., чл.-корр. РАН, заведующий отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН; gusaba@iea.ras.ru